

«Одним из основных и интегральных по своему характеру объективных рисков для стран Центральной Азии является фактическая безальтернативность их интенсивных отношений с Китаем»- отметил в статье, написанной специально для CABAR, Рашид Абдулло, независимый эксперт (Таджикистан, Душанбе).

Начало взаимоотношений с Китаем после обретения независимости

Сегодня, наряду с Россией и США, Китай является мировой державой, оказывающей серьезное влияние на развитие стран современной Центральной Азии. Правительство КНР одним из первых признало независимость постсоветских государств Центральной Азии, установило с ними дипломатические отношения и открыло во всех столицах региона посольства своей страны. С обретением бывших центрально-азиатских советских республик статуса независимых государств, стал возможным переход их отношений с Китаем на качественно новый уровень. В основе этой возможности лежала обоюдная заинтересованность каждой из стран региона в сотрудничестве с Китаем.

Став независимыми, бывшие советские республики Центральной Азии оказались перед необходимостью построения, в кратчайшие сроки, своей суверенной, устойчивой национальной государственности, как необходимого условия обеспечения собственной национально-государственной безопасности, создания условий для преодоления свалившихся на них социально-экономических трудностей, порождённых перестройкой и распадом СССР.

Внутренний аспект решения данной задачи был и продолжает оставаться связанным с укреплением политических и социально-экономических основ независимых государств, а также с упрочением их национальной идентичности.

Что же касается внешнего аспекта, то он заключался (и заключается поныне) в последовательной реализации государствами региона своего, базирующегося на принципе многовекторности, внешнеполитического курса. Суть данного курса состоит в выстраивании постсоветскими государствами региона более широких и разнообразных отношений с внешним миром, прежде всего, со всеми мировыми полюсами, являющимися на деле самостоятельными цивилизационными пространствами. Таковыми для государств Центральной Азии, с момента обретения независимости и по настоящее время, являются Россия, Китай, США с их западные союзниками, а также исламский мир.

Названные полюса-пространства обладают политическими и финансово-экономическими возможностями, которые можно привлечь для решения стоящих перед центрально-азиатскими государствами политических и экономических задач. Одновременная ориентация на все полюса-пространства позволяет не впасть в чрезмерную зависимость от одного из них, которая неизбежно оборачивается

ограничениями, в той или иной степени, и даже фактической утратой национального суверенитета и независимости.

Следует подчеркнуть, что сразу же после обретения независимости ориентация на Китай ещё не являлась одним из первоочередных приоритетов ни для одной из постсоветских стран Центральной Азии

Для задававших тон в политической жизни Таджикистана накануне обретения независимости оппозиционных сил, как светских, так и религиозных, первоочередным приоритетом была ориентация на Исламскую Республику Иран, в обоих его ипостасях – национальной и исламской. И те, и другие полагали, что языковая, культурная и цивилизационная (исламская) общность двух стран является достаточным основанием для выстраивания успешных таджикско-иранских политических и экономических отношений, США со своими западными союзниками рассматривали Таджикистан, как сугубо прокоммунистическую страну, и не испытывали ни малейшего желания оказывать ей серьёзную поддержку. Проблема осложнялась тем, что и в самой власти было немало тех, кто лично или в качестве представителей определённых сил, отрицательно относились к самой идее и возможности развития отношений с Западом.

В отношениях России к Таджикистану в то время хорошо просматривались два подхода – либеральных политиков и их оппонентов. Позиция либеральных политиков, обладавших, до первых выборов в Государственную Думу в декабре 1993г., полной политической власти, практически совпадала с позицией западных стран. В отличие от либералов, их оппоненты, известные как государственники, в том числе и большая часть руководства силовыми структурами России, были склонны сотрудничать с новыми властями Таджикистана и оказанию им помощи и содействия. Однако их возможности в этом плане серьёзно ограничивалась политическим влиянием либералов. К тому же экономическое положение в самой России было крайне сложным, и вряд ли она была в состоянии оказать сколь-нибудь существенную экономическую поддержку разорённому перестройкой, распадом СССР и гражданской войной Таджикистану.

Налаживанию и развитию широкого сотрудничества Таджикистана с богатыми исламскими государствами препятствовала взаимная настороженность на грани неприязни. Исламские государства воспринимали новое руководство страны, как прокоммунистическое, т.е., в их понимании, настроенное антиисламски, и предпочитали не спешить с развитием серьёзных экономических отношений с республикой. Сами таджикские власти с не меньшим предубеждением относились к исламским государствам, полагая, не без оснований, что те не только предоставляют таджикским оппозиционерам убежище, но и оказывают им всяческое содействие.

Влиятельные международные организации также не испытывали особого желания налаживать конструктивное сотрудничество с властями Таджикистана. Ровно по тем же причинам, что и западные страны, оказывающие определяющее влияние на их действия и позиции в отношении тех или иных стран.

Поэтому для руководства страны, пришедшего к власти в ноябре 1992 г. в самом разгаре гражданской войны, не оставалось ничего иного, кроме как сделать ставку на развитие отношений с Китаем.

Избранный главой государства в ноябре 1992 года Эмомали Рахмон (тогда еще Рахмонов) свой первый зарубежный визит, в марте 1993 г., нанес именно в Китай. С политической точки зрения визит был вполне успешным. Прагматичные китайские лидеры оказали Эмомали Рахмону теплый приём. Девятого марта 1993г. он и руководитель Китая, Цзян Цзэминь, подписали в Пекине Совместное коммюнике о принципах становления таджикско-китайских взаимоотношений. Самым важным было то, что руководители Китая, стремительно набирающей в мире экономической и политической вес державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН, дали всем ясно понять, что они считают Таджикистан достойным членом международного сообщества, что его новые власти вполне легитимны и, что они намерены поддерживать с ними самые тесные отношения. Вместе с тем визит показал и то, что, на тот период времени, китайская сторона не спешила развитием широких экономических отношений с Таджикистаном (как, впрочем, и с другими странами региона) в той форме и в тех объемах, желательных для него. Её вполне удовлетворяло существующее положение дел.

На тот период страны Центральной Азии были интересны для Китая, как рынок сбыта своих товаров и как своеобразные «доноры», способные дать импульс развитию его западных регионов. В условиях, когда основное внимание китайского руководства, в ходе осуществления экономических преобразований своей страны, было сосредоточено на приморских регионах, производство товаров для центрально-азиатских стран и, соответственно, обратные денежно-товарные потоки способствовали развитию провинций, прилегающих к границам постсоветской Центральной Азии. Точно также, как за счёт торговли с Россией и привлечения её финансовых и товарных ресурсов руководство Китая сумело дать мощное ускорение развитию провинций, граничащих с российскими областями.

В сложившейся ситуации китайская сторона не ощущала какой-либо реальной необходимости вести предметный разговор с правительствами центрально-азиатских государств по экономическим вопросам. Для Китая всё итак шло, как нельзя, лучше. К тому же, вероятно, и сам уровень и характер развития Китая в начале 90-х гг. ещё не актуализировал для него потребности в получении доступа к ресурсам региона, сопряжённого с необходимостью инвестирования в постсоветскую Центральную Азию

крупных средств.

Интенсификация сотрудничества в силу растущей заинтересованности Китая

Далее, на протяжении 90-х годов, развитие китайской экономики стало выходить на уровень, делавшим привлекательным получение доступа к углеводородным и прочим значимым ресурсам Центральной Азии. Взначительной степени, ввиду актуализации проблемы обеспечения собственной экономической безопасности. Растущей китайской экономике Центральная Азия стала нужна уже не только, как рынок сбыта своих товаров и услуг, но и, как надежный источник сырьевых (руды и концентраты цветных металлов, а также сами металлы – алюминий, медь и т.д.) и энергетических (нефть, газ, электроэнергия) ресурсов, которыми располагают страны Центральной Азии.

Модификацию позиции Китая в вопросе развития существенно значимых экономических отношений со странами Центральной Азии обусловили два серьёзных фактора. Первый из них – ставшее реальностью после событий 11 сентября 2001 г, солидное военное присутствие США и их союзников по НАТО в Центральной Азии в виде военных баз – в Кыргызстане (Манас), Узбекистане (Ханабад и Термез), в Таджикистане (в аэропорту г.Душанбе). Другим его компонентом стало непосредственное участие американских и западноевропейских военнослужащих в реализации различных совместных программ со странами региона. Второй – «цветные революции», прокатившиеся по странам СНГ – «розовая» 2003г. в Грузии, «оранжевая» 2004 в Украине, «тюльпановая» 2005г. в Кыргызстане, а также известные события в узбекском Андижане в том же 2005.

В сложившихся условиях китайское руководство сочло полезным интенсифицировать свою поддержку действиям правительств центрально-азиатских республик, направленных на обеспечение социально-экономической стабильности и, тем самым, политической стабильности в своих странах. Оно исходило из простого расчёта – политическая стабильность на территориях к западу от китайских границ будет в полной мере служить задаче обеспечения политической стабильности, а, следовательно, и безопасности собственных западных регионов. В экономическом плане, помощь и поддержка осуществлялись в форме содействия в реализации экономических программ и проектов в каждой из стран Центральной Азии.

Для Таджикистана решительный поворот Китая к оказанию содействия в реализации центрально-азиатскими странами своих планов, программ и проектов экономического развития обернулся его соответствующей кредитно-инвестиционной активностью.

Пиковыми для неё стали 2006, 2009 и 2014 гг.

В 2006г. были подписаны и начали реализовываться таджикско-китайские инвестиционные соглашения по реабилитации шоссе Душанбе-Худжанд-Чанак, включая и строительство тоннеля Шахристан, строительства ЛЭП-500 «Юг-Север», ЛЭП «Хатлон-Лолазор», строительство тоннеля Шар-Шар протяженностью в 2,23 км.

Была обговорена и возможность строительства ГЭС на реке Зерафшан. В целом, китайское финансирование в данные проекты набегало на сумму почти в 1 миллиард долларов США.

В 2009 г. Таджикистан и Китай подписали соглашения о строительстве ГЭС «Нурабад-1» (\$560 млн.), ТЭЦ в Душанбе (\$400 млн.), цементного завода мощностью в 1млн.т. в год, о дополнительных работах на ЛЭП «Лолазор-Хатлон» и «Юг-Север», реконструкции автомобильной дороги Душанбе-Дангара. Эти договорённости также потянули на сумму чуть более 1 млрд. долларов США.

В 2014 Таджикистан и Китай подписали различные соглашения, в соответствии с которыми китайская сторона предоставит кредитов и грантов на 6 миллиардов долларов. Примерно 3,5 миллиардов из этой суммы пойдёт на строительство 400 километрового таджикского участка четвёртой ветки газопровода Центральная Азия-Китай. Практическая реализация проекта началась в сентябре 2014 г. Сегодня весьма заметным является участие китайских компаний и в горнодобывающей, в частности золотодобывающей отрасли республики.

Примерно такая же ситуация – заметное и даже существенное участие китайских компаний, инвесторов и т.д., прослеживается в экономиках других республик Центральной Азии.

Что делает сотрудничество с Китаем столь привлекательным для его центрально-азиатских соседей?

С экономической точки зрения, привлекательность Китая для центрально-азиатских государств определяется его финансовой состоятельностью. Обладая триллионами, в общем-то, свободных долларов, он не стеснён в выборе сфер их приложения.

Определяется это и тем, что китайцы никогда не отвергают с порога представляемые центрально-азиатскими странами конкретные экономические проекты, нуждающиеся в их финансовой поддержке. При этом они исходят из принципа – в любом проекте всегда можно найти привлекательные аспекты, реальные или потенциальные.

Положительным в сотрудничестве с Китаем является и то, что он, принимая решения по проектам экономического сотрудничества, руководствуется конечными, прагматичными результатами, а не сиюминутными эмоциями и не увязывает их с заведомо неприемлемыми для центрально-азиатских стран политическими, идеологическими и прочими условиями. Приняв же решение, китайская сторона не откладывает в долгий ящик его реализацию. Если же, по каким-либо причинам, выполнение уже принятого решения для нее становится невозможным, она находит возможность компенсировать возникающий для другой стороны ущерб. Например, реализовать альтернативный проект. Так было в случае с Таджикистаном, где китайцы реализуют проект строительства крупной ТЭЦ в Душанбе в качестве альтернативы замороженному, ввиду негативного отношения к нему Узбекистана,

проектастроительства ГЭС на реке Зерафшан.

Центрально-азиатские государства изначально рассматривали и продолжают рассматривать Китай в качестве мировой державы, способной уравновесить влияние на себя двух других мировых держав – России и США, и, при необходимости, демпфировать возможное политическое давление с их стороны. Китай уже подтвердил, что может быть надёжным политическим союзником. После событий в Андижане в мае 2005 г., когда США и их союзники наложили санкции на Узбекистан, он политически, морально и материально был поддержан Пекином.

Китай рассматривается центрально-азиатскими государствами, и как надёжный союзник в борьбе с теми силами, которые могут рассматриваться не только руководством этих стран, но и китайским руководством, как деструктивные, вне зависимости от того, каких идей, политических взглядов – исламистских, либерально-демократических, сепаратистских и т.д., – эти силы придерживаются. Так было, когда официальный Пекин был практически единственным, кто выразил поддержку действиям таджикского правительства в Хорогских событиях в июле 2012 года.

Кого и чем беспокоит присутствие Китая в Таджикистане?

Растущее присутствие Китая в странах Центральной Азии вызывает нервозность как у его стратегических конкурентов в регионе, так и у жителей внутри самого региона.

Стратегических конкурентов беспокоит не просто массированное присутствие Китая в Центральной Азии, а растущее стремление правящих политических элит региона при возникновении серьёзных для себя проблем – экономических или политических, устремлять свои взоры, в поисках активной поддержки, в сторону Пекина.

Не имея возможности соперничать с Китаем с предложением своих услуг, они вынуждены разворачивать кампанию по убеждению населения и общественности Центральной Азии в том, что многостороннее и широкое развитие отношений с Китаем вредно и опасно для их стран. Доводы строятся на том, что китайцы ничего так просто не делают, они стремятся экономически закабалить страны региона, претендуют на их территории, будут осуществлять ползучую экспансию, создавать чайна-тауны и т.д. На местах эти доводы находят своих слушателей. Последние добавляют к ним и свои страхи и опасения. Причём, активно будируется китайская опасность лишь в приграничных с Китаем странах региона. Из Туркменистана и Узбекистана критических высказываний в отношении Китая слышать пока не приходилось.

В исторической памяти таджиков Китай, как экзистенциальная угроза не присутствует. Вместе с тем, в республике считают, что не всё в отношениях с Китаем обстоит благополучно. Опасения высказываются и в некоторых СМИ. Все страхи и обвинения строятся на следующем. Налицо китайская экспансия. Она выражается в неуклонном росте числа китайских граждан, занятых в различных сферах экономики республики – в сфере торговли ширпотребом, реализации инфраструктурных проектов,

в сельском хозяйстве, где ими создаются фермерские хозяйства. Начав со взятия в аренду сравнительно небольших участков земли, они стремятся получить в аренду земли уже в несколько десятков тысяч га. Китайцы используют вредные химикаты, нанося непоправимый ущерб посевным площадям. Ради обеспечения своих бизнес-интересов китайские предприниматели активно подкупают местные власти. Они неохотно берут на работу местных жителей. Из-за притока иностранцев трудоустройство и получение жилья в Таджикистане становятся серьезной проблемой для коренного населения. Растёт число смешанных браков – таджички выходят замуж за китайцев, в том числе и немусульман. К этому их побуждает нищета. Зажиточным китайцам это дает шанс через пять лет получить таджикское гражданство. Нужно сказать, что в конце перестроечных времён и в начале 90-х гг., когда, открылись границы, практически то же самое говорилось и в отношении афганцев, во множестве оказавшихся на территории Таджикистана.

Опасения по поводу рисков, связанных с развитием отношений стран Центральной Азии и Китая обусловлены, прежде всего, эмоциональной реакцией со стороны коренных жителей региона на происходящие вокруг изменения. Одним из таких изменений является уход в прошлое ставшего за множество десятков лет массивированного присутствия русского и русскоязычных этносов, к которому на местах успели привыкнуть и обозначившееся присутствие новых этносов, к которому ещё предстоит как-то адаптироваться. Процесс этот непростой и связан с ломкой устоявшихся и формированием новых моделей межнациональных взаимоотношений.

Объективные риски во взаимоотношениях

Вместе с тем, существует не только и не просто эмоционально обусловленное ощущение рисков, порождаемых стремительным развитием многосторонних центрально-азиатско-китайских отношений. Есть риски и вполне объективного характера. Одним из основных и интегральных по своему характеру объективных рисков для стран Центральной Азии является фактическая безальтернативность их интенсивных отношений с Китаем. Такая безвариантность создаёт условия для формирования односторонней зависимости центрально-азиатских стран от отношений с Китаем и от самой страны, как таковой.

Безальтернативность развития отношений с Китаем для стран региона, осуществляющих экспорт углеводородов, являющийся основой их благосостояния и благополучия, определяется тем, что именно эти отношения позволяют им существенным образом диверсифицировать не только рынки сбыта своих углеводородов и других видов сырья и продукции, но также и выход в большой внешний мир. Более того, развитие отношений с Китаем является единственной, по сути дела, реальной возможностью ослабить свою зависимость от России в том, что касается доставки своих углеводородов на внешние для стран СНГ рынки. Ведь экспорт

сырьевых ресурсов стран Центральной Азии на рынки за пределами СНГ, по большей части, осуществлялся и продолжает осуществляться через российскую территорию и посредством российских же транспортно-коммуникационных и прочих инфраструктурных возможностей. Все другие возможности, за исключением тех, что возникают в связи с развитием отношений с Китаем, являются паллиативом, не более того. Но такая единственность возможности реальной диверсификации рынков сбыта и выходов в большой внешний мир через развитие отношений с Китаем, неизбежно ставит в центрально-азиатские государства в зависимость от этих возможностей и предоставляющую эту возможность страны.

Для Таджикистана, не богатого ресурсами, экспорт которых позволил бы встать вровень с Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном, развитие отношений с Китаем являются безвариантным в плане обеспечения надёжного и крупного по объёмам финансирования своих дорожно-транспортных проектов, а также проектов в области строительства объектов генерации электроэнергии, предприятий по производству стройматериалов и т.д.

Всё более очевидной становится зависимость и социальной стабильности стран Центральной Азии от уровня и характера отношений с большим восточным соседом. В странах региона быстрыми темпами происходит социальное расслоение общества. Для малоимущего населения дешёвые китайские товары, во-первых, позволяют свести концы с концами. Во-вторых, китайские товары внешне никак не отличаются от соответствующих, более дорогих и недоступных малоимущему населению товаров, произведённых где-то в других местах. Данное обстоятельство, в какой-то мере, смягчают внешние проявления социального неравенства, что немаловажно для сохранения собственной политической стабильности.

Не стоит забывать и о том, что от возможности заниматься торговлей с Китаем и китайских товаров зависело существование многих тысяч, если не десятков тысяч торговцев, курсировавших раньше между своими государствами и Китаем. Сегодня такой международный мелкий «челночный» бизнес практически сошёл на нет. Но многие тысячи, десятки, а может быть и сотни тысяч людей повсеместно в регионе по-прежнему обеспечивают свою жизнь, доставляя китайские товары с оптовых рынков вплоть до самых дальних уголков своих стран или реализуют их непосредственно в своих лавках, магазинах, на базарах, или попросту, занимаясь уличной торговлей вразнос. Такого рода работа способствует не только занятости населения, но и удержанию его от каких-либо радикальных протестных действий.

Замечено, что когда Китай, в силу каких-то обстоятельств, например, праздников, на несколько дней закрывает свои границы и, соответственно, замедляются торговые потоки, тут же происходят какие-то негативные подвижки в курсах местных валют. Столь высокий уровень безвариантности отношений стран Центральной Азии с Китаем,

а также зависимость социально-экономической стабильности от характера отношений с соседом-гигантом, делает позиции этих стран во взаимоотношениях с ним достаточно уязвимыми. Однако существующая реальность такова, что на данный момент возможности преодоления подобной уязвимости никак не просматривается.

Предлагаемое странам региона участие в ЕАЭС не решает проблемы, ибо, потенциально снижая интенсивность отношений с Китаем, оно многократно усиливает безальтернативность развития отношений с Россией. Не является решением вопроса и ориентация на западный мир, в силу её сюрреалистичности.

В какой-то мере, снижению уровня двух безальтернативных ориентаций - на Россию и Китай, для стран Центральной Азии могло бы способствовать развитие более широких и глубоких отношений с Ираном, Пакистаном, богатыми арабскими государствами Персидского залива. Но к этой возможности в странах региона относятся весьма сдержанно.

Несмотря на то, что реальной альтернативы широкому развитию экономических отношений с Китаем у стран Центральной Азии сегодня, практически нет, всё же они должны стараться следовать курсу многовекторности не только в сугубо политических, но и в экономических отношениях с внешним миром. Для того чтобы не впасть в чрезмерную зависимость от Китая.

Уроком для всех них должен послужить пример России с её чрезмерной ориентацией на Запад за последние почти четверть века. Нынешние её проблемы прямо обусловлены данным обстоятельством. Эту многовекторность можно и нужно формировать за счёт дополнения развития отношений с Китаем отношениями с быстро развивающимися странами ЮВА, Индией, Пакистаном, а также со странами по обоим берегам Персидского залива. Это особенно важно для Таджикистана.

Конечно же, напрашивается необходимость развития регионального сотрудничества, но, как представляется, на сегодняшний день, в силу существующих противоречий внутри стран Центральной Азии, это пока выглядит утопией чистой воды.

Рашид Абдулло, независимый эксперт

Мнение автора может не совпадать с позицией редакции CABAR